

35.56.6.29.

С. В. КРАВКОВ.

ВНУШЕНИЕ

(Психология и педагогика внушения)

27/хет

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"РУССКИЙ КНИЖНИК"

МОСКВА—1924

С. В. КРАВКОВ

Р. П. В.
1924

35.56.6.29

ВНУШЕНИЕ

(Психология и педагогика внушения)

Научно-популярный очерк с 5-ю рисунками
в тексте:

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РУССКИЙ КНИЖНИК“

МОСКВА — 1924

С. В. КУРКОВ

ВНУШЕНЕ

(Инициалы автора и редактора)

Главлит № 18950.

МОСКВА.

Тираж 3.000 экз.

Типография „Студенческий Труд“, Ваганьковский, д. 5.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Явления внушения настолько всеобщы и повседневны, настолько практически важны — для педагога, для военного и для всякого организатора человеческих групп вообще, — что дать популярный очерк того, как эти явления понимаются современной психологической наукой, нам представляется нелишним. Тем более, что никак нельзя сказать, чтобы в широких кругах на этот счет имелось уже достаточно ясное представление. В своем изложении мы стремились основные проявления внушения в нормальном и гипнотическом состоянии понять исходя из общих, уже установленных, закономерностей психической жизни.

Нам казалось, что именно такой путь даст наилучшую возможность уяснить себе весь механизм процесса внушения, а тем самым и возможность сознательно использовать его.

С. В. Кравков.

Москва, июль 1923 года.

I

Психологии особенно не везет в том отношении, что принадлежащие к ее области понятия, в силу своей обычности, употребляются часто в самом неясном, а иногда и в превратном смысле.

К числу таких именно недостаточно отчетливых понятий принадлежит и понятие „внушения“.

Подобное положение вещей тем более досадно, что фактору внушения в нашей психической жизни принадлежит чрезвычайно значительная роль. Практическое значение его также необычайно важно. „Человека часто называют общественным животным“ — пишет по этому поводу Сидис („Психология внушения“), — „конечно, это определение верно, но оно мало освещает душевную сторону индивидуума в обществе. Есть еще взгляд, дающий определение человеческой природы, это известный взгляд древних, что человек — животное разумное, внушаемость характеризует среднего человека: человек есть животное, доступное внушению“.

Более того. Как известно, имеются попытки и самый процесс исторического развития понять как процесс, движимый законами внушения. По Тарду („Законы подражания“), — „общество — это подражание, подражание же есть род гипнотизма“. А между тем наряду со всем этим, не изжит еще в широких кругах взгляд на внушение — а тем паче на гипнотическое явление, как на нечто таинственное и сверхестественное — необъяснимое.

Мы не скажем, что проблема внушения выяснена психологической наукой уже до конца. Однако, мы возьмем на себя смелость ниже показать, что все-же у нас уже есть возможность с

достаточной ясностью представить себе природу этого явления в полном согласии со всеми прочими известными нам естественными закономерностями психической жизни.

Итак: что же такое внушение?

Предвосхищая дальнейшее, мы дадим такое общее определение: под внушением следует понимать внедрение в психику субъекта какого либо образа или идеи, принимаемого им безотчетно и имеющего действительное значение. Действительно, в случаях, например, гипнотического внушения, субъект видит несуществующие цветы, отскакивает от несуществующего зверя, горюет по поводу сообщенной ему выдумки, продельвает совершенно несообразные поступки: переворачивает стулья, целует незнакомых лиц и т. п.

Совершенно ошибочно думать, что такое поведение загипнотизированных субъектов есть нечто абсолютно отличное и далекое от наблюдаемого нами в случаях обыденной нормальной жизни. Отнюдь нет. Явления внушения суть явления повседневной жизни. Стоит обратить внимание на нижеследующие примеры, для того чтобы убедиться в совершенной обыденности явления внушения. Укажем, прежде всего, на общеизвестную заразительность зевоты. Стоит одному из ряда лиц в обществе зевнуть, как начинают зевать другие. Лишь сознательное подавление такого желания может заставить человека удержаться. Едва ли менее известны и примеры того, как люди, живущие вместе, особенно же живущие вместе долгое время, начинают употреблять в своей речи сходные выражения и жесты. Обостренную форму подобного влияния одного индивидуума на другого представляют случаи так называемого прививного помешательства (*folie à deux*). В литературе известен случай, когда 13 человек из одной семьи были поражены сходной манией преследования. Истерика, случившаяся в обществе, легко влечет за собой ряд других истерик. Сидис приводит такие примеры, с правдоподобностью коих нельзя не согласиться: у меня в руках газета, и я начинаю ее свертывать; векоре я замечаю, что мой друг, сидящий напротив меня, свернул свою газету таким же образом. Другой пример: „Мой друг А. сидит у стола, его ум занят запутанной математической задачей, которая не поддается его усилиям решить ее. Погруженный в решение этого трудного

вопроса, он слеп и глух ко всему, что происходит вокруг него. Хотя его глаза глядят на стол, он, кажется, не видит на нем никаких предметов. Я ставлю на стол два стакана воды и делаю через короткие промежутки времени движения руками по направлению к этим стаканам—движения, которых он повидимому не замечает, потом я решительно протягиваю руку, беру один стакан и начинаю пить. Мой друг поддается моим ухищрениям, вяло, как во сне, подымает руку, берет стакан и начинает отхлебывать, приходя вполне в себя лишь тогда, когда большая часть стакана опорожнена“.

Дельбёф приводит в качестве примера внушения в нормальном состоянии такой случай, имевший место с ним самим. Желая вызвать анестезию-безчувственность в руке пациента, не загнипированного, он сказал ему: „протяните мне вашу руку, смотрите на меня пристально и покажите мне вашим взором, что вы решили ничего не чувствовать, и, вы, действительно, ничего не будете чувствовать“. Пациент стремился выполнить это, и замечательно то, что чувствительность в руке у него действительно пропала. Проф. Дельбёф сильно колот ему руку, не вызывая боли.

Чрезвычайно жизненен и пример, читаемый нами у Ф. Тома („Внушение и его роль в деле воспитания“) — „Стоит только, какомунибудь шутнику сказать во время обеда, что то или другое кушанье имеет дурной привкус, что оно приготовлено сомнительным способом, и, если бы мы были даже уверены в несправедливости этих замечаний, мы тем не менее тотчас же оставляем кушанье под влиянием непреодолимого к нему отвращения“.

Сказать детям что-либо относительно их восприятий аналогичным цитированному только что примеру образом, значит, почти всегда, заставить с вами согласиться. Наши оценки: „это вкусно“, „это кисло“, „здесь чем-то пахнет“, „ах, как холодно“ и т. п. очень часто вызывают у детей тотчас же соответствующие ощущения и гримасы. Впрочем, удача здесь зависит во многом от отношения детей к личности внушающего.

У того же Тома приводится и такой пример: „кто-нибудь вдруг говорит нам: „на шее у Вас сидит насекомое и жалит Вас“, мы легко убеждаемся в том, что это неправда, но, тем не менее,

инстинктивным движением подносим руку к указанному месту и, за редкими исключениями, тотчас же начинаем ощущать более или менее сильное чувство зуда“.

Проф. Дюк (*Zeitschrift f. pädag. Psych. und experim. Pädagogik*, 1912) сообщает между прочим о таких, произведенных им, исследованиях внушаемости школьников, находившихся в совершенно нормальном состоянии.

Пустив предварительно по классу обыкновенную австрийскую монету с тем, чтобы каждый из учеников ее рассмотрел, проф. Дюк, после того как монета обошла весь класс и вернулась к нему, говорил уверенным тоном, обращаясь к ученикам: „Вы видели на монете небольшое отверстие, возьмите бумагу, нарисуйте показанный вам гильден и крестиком отметьте на нем место этого отверстия“. Несмотря на то, что в действительности никакого отверстия не существовало, большой процент учеников на поданных записках отметил несуществующее место несуществующего отверстия, признав тем самым, что видел его действительно. Тот же исследователь приводит описание и другого, произведенного им же, эксперимента над нормальной внушаемостью школьников, причем возраст некоторых из них достигал 17 лет. Ученикам давалось списывать с доски известные фразы, причем в словах с двумя *f*, черточка, перечеркивающая второе *f*, необычайно загибалась вниз влево и доходила до первого *i*. Фразы диктуемые были по своему смыслу таковы, что должны были привлекать к себе внимание испытуемых.

В результате—18% всех учеников в списанном повторили необычность написания второго *f*, причем объяснили это тем, что они указанную особенность в своем письме имели, как им думалось, и раньше.

Наконец, все знают, что появление в улыбе настроенном обществе субъекта полного веселья и жизнерадостности, неминуемо влечет за собой подъем общего настроения. Тот, кого принято называть „душой общества“, является обычно общим любимцем именно благодаря заразительности его настроения.

В первой группе вышеприведенных примеров мы видим реализацию лицом тех или иных видимых им движений другого инди-

видуума, как зевота, сходная мимика, свертывание газеты, протягивание руки к стакану и глотание.

Другую группу примеров дают случаи внушения дурного привкуса, укуса насекомого на шее, анестезии руки, виденного якобы ранее отверстия.

Если в первой группе мы имели факты подражания, то в этой второй мы стоим перед примерами галлюцинаций и иллюзий.

Легко видеть, однако, что все приведенные случаи должны быть нами отнесены к случаям внушения, поскольку во всех них идеи, образы, движения и чувства одного лица принимаются другим не в результате убеждения или понуждения, но совершенно бессознательно, без всякого критического к себе отношения.

Эта же бессознательность, не критичность усвоения и является как раз характерным признаком внушения.

По отношению к обычно воздействующим на нас впечатлениям и возникающим у нас образам и идеям мы всегда стремимся задаться вопросом: „так ли это?“ стремимся приложить к ним наши „критерии веры“, чтобы определить степень реальности их. Иначе говоря, мы всегда стремимся, так или иначе, ассимилировать (связать) вновь воспринимаемое с нашими прежними познаниями.

Если же часто подобный вопрос для нас остается незаметным, то это бывает лишь вследствие быстрого утвердительного ответа, обусловленного чрезвычайной обычностью впечатления. По мере же уклонения вновь воспринимаемого от такой обычности, по мере того, как воспринимаемое становится все новей и необычайней—чувство напряжения, связанное с приложением „критерия веры“, равно как и то что мы действительно задаемся вопросом „так ли“—может быть подмечено нашим самонаблюдением все легче и легче.

Сквозь подобное контролирующее сознание мы стремимся пропустить, профильтровать все нами познаваемое—поэтому-то мы не всегда верим тому, что нам расскажет первый встреченный незнакомец, мы не считаем облака, своей причудливой формой похожие на драконов—за реальных драконов, равно как и цветы на ковре, дающие своим расположением иллюзию человеческого лица—за реальное лицо. И мы встретим обычно смехом утвержде-

ние, что в углу нашей комнаты стоит слон, или что я не в состоянии, когда подумаю, поднять руку. Почему же для нас не безразлично вероятны все слышимые мнения и воспринимаемые впечатления, а по отношению к одному мы утверждаем „да, это так“ или—„есть“, по отношению к другому говорим—„возможно“, или—„это так лишь кажется“ (наприм., облако, узор ковра), по отношению же к третьему со смехом восклицаем—„ерунда“—„этого нет и быть не может“.

Почему стол в моей комнате вполне для нас вероятен и принимается как таковой в реальности почти мгновенно, иллюзорный же образ слона в саду—столь же мгновенно отвергается как реальность и оценивается лишь как „кажущийся“, сообразно чему мы и поступаем: не убегаем, но спокойно продолжаем нашу прогулку. Совершенно понятно, что это происходит оттого, что представление стола в комнате, вызывая ассоциативно представления из прошлого опыта, не вызывает противоречащих ассоциаций, которые бы говорили, что стол и моя комната для занятий несовместимы, напротив, ряд таких противоречивых ассоциаций сейчас же всплывает наружу, как только мы направим наше внимание, хотя бы на короткий миг, на иллюзорное представление слона в саду или в кабинете. Согласование с воспроизведенным—вот психологическая сущность приложения „критерия веры“, как ее можно наиболее коротко и ясно формулировать.

Теперь взглянем, в каких же случаях мы при восприятии необходимо вызываем в добавление к новому впечатлению данные уже пережитого опыта, т. е. то, что лишь и может всегда служить мерой оценки вероятности, заново на нас действующих впечатлений. Это бывает необходимо лишь в том случае, когда мы воспринимаем что-нибудь нашим активным вниманием, когда мы его апперципируем.

Последнее и означает, что мы окутываем данное впечатление рядом представлений, относящихся к той же области, что и оно само. Благодаря же этому мы устанавливаем отношение нового впечатления ко всему нашему прежнему накопленному опыту. Подобное же соотношение и определяет для нас степень реальности впечатления или идеи.

Желая противопоставить такому активному, контролирующему и критическому восприятию—восприятие чисто пассивное, некритическое и лишенное контроля нашим активным вниманием, мы не находим лучшего примера, чем состояние сновидения или состояние восприятия чего-либо при сильной степени концентрации внимания на чем-нибудь другом. Видя сон, мы—как никогда—бываем лишены всякой критичности по отношению ко всему, что нам видится, слышится, и мы видим себя в качестве полной реальности птицами, летящими по воздуху, или лишенными рук или ног и т. п.

Внимание и рассеянность являются понятиями тесно и неразрывно связанными. Внимание к одному влечет невнимание к другому. Активное внимание, концентрированное на чем-нибудь одном, тем самым отвлечено от всего остального. Это остальное тогда воспринимается вниманием пассивным, каковое само по себе не влечет контролирующего и оценочного отношения.

Представьте себе человека с головой ушедшего в свои занятия, т. е. с сильно концентрированным произвольным вниманием, которому кто-нибудь говорит: „Вы сидите на самом краю стула“. Углубленный в занятия, не отрываясь от прослеживания интересующего его дела, совершенно безотчетно и некритично, услышав сказанное, меняет позу. Возьмем еще пример: пожар, субъект впечатлительный и эмоциональный, при одном слове—„пожар“—все поле его внимания захватывается одной идеей, окрашенной сильным чувством страха—„надо спасаться“. Находясь в состоянии чрезвычайного смятения, субъект этот не перестает однако воспринимать окружающее—видит бегущих и выносящих вещи, слышит фразы. Но все это проникает в его сознание уже при полном отвлечении какого-нибудь контролирующего критического отношения, ибо вся его самостоятельная активность, выражающаяся в произвольном внимании, исчезла для всего, кроме идеи—„спасаться“—вропрочем и там-то она, в силу чрезвычайно интенсивной эмоциональной окраски, выражается лишь в непреодолимом стремлении уйти, убежать, или же хватать и уносить все, что ни попадется.

Для нас интересно здесь отметить, что все указания окружающих принимаются таким субъектом безапелляционно и тотчас

же стремятся быть выполненными, благодаря отсутствию контролирующего сознания, благодаря отсутствию координирующих ассоциаций— „за“ и „против“.

Мы обыкновенно со всем соглашаемся и в исключительных лишь случаях критически относимся к слышимому и видимому и тогда, когда бываем очень утомлены.

„Всякий знает—справедливо пишет по этому поводу проф. Бехтерев—(„Внушение и его роль в общественной жизни“)—что будучи рассеянными и невнимательными, мы можем давать на задаваемые вопросы совершенно неподходящие для них ответы, можем признавать то, что мы несомненно отвергли бы, если бы отнеслись к вопросу со вниманием; нередко мы даже не знаем, что данный вопрос был нам задаваем, иначе говоря, мы имеем настоящую амнезию“. Вера, любовь, неприязнь способны подобным же образом лишить человека критической активности по отношению к воспринимаемому.

Поэтому вся совокупность содержания нашего опыта распадается как бы на две сферы: активно воспринятое и воспринятое пассивно. То, что мы разумеем под нашей личностью, есть сложное образование из того и другого.

Для нас важно здесь обратить внимание на существование подобного качественного различия между содержаниями нашего сознания. Оно было усмотрено рядом психологов, и их согласные на этот счет взгляды делают вышеприведенное различие заслуживающим тем большего внимания.

В виду важности этого пункта для полного понимания природы внушения мы и позволим себе привести здесь взгляды на этот счет некоторых из психологов.

Болдуин—(„Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода“), терминологией которого мы отчасти уже пользовались, различает такое сознание— „в котором критерии веры бездействуют“ от сознания критического. Сознание первого рода, иначе, автор называет „реактивным сознанием“, характеризуя его так: „коэффициенты реальности уже не учитываются. Сознание принимает за нечто равноценное все, что предстает перед ним, руководствуясь некритическим чувством реальности. Оно отвечает

поэтому поочередно на все с равной готовностью и быстротой“. Обусловливается подобное состояние сильным фиксированием внимания, вследствие чего сознание является—„суженным“ и уже неспособным связывать—„то, что представляется сознанию и что воспроизводится им“. Всякое представление переходит в действие... и вполне овладевает сознанием при отсутствии всех—„за“ и „против“, обычно взвешиваемых для того, чтобы что-нибудь было принято за реальное“...

Проф. Бехтерев (вышецитирован. сочин.) также вполне определенно расчленяет совокупность нашего сознания на подобные же две сферы. Он отличает личную сферу сознания от общей сферы сознания. По его мнению, различие обеих обусловливается способом восприятия и запечатления получаемых впечатлений. Способ же этот двояк:—„восприятие и запечатление может быть, пишет он, активным и пассивным“. Впечатления, входящие в сознание при участии „ассоциаций активного внимания“ и усваиваясь путем обдумывания и размышления, становятся прочным достоянием личной сферы психики“. Путь воздействия впечатлений, усвоенных активным вниманием, можно назвать „путем убеждения“. И вполне понятно отсюда чрезвычайное значение личной сферы. Активное восприятие, ведущее к обогащению этой сферы, лежит в основе личных взглядов и убеждений, „так как дальнейшим результатом активного восприятия является работа мысли, приводящая к выработке более или менее прочных убеждений“. Но кроме активного восприятия—читаем дальше у проф. Бехтерева,—многое из ощущаемого мира мы воспринимаем пассивно, без всякого участия личности, когда внимание чем-либо занято... или ослаблено, как это наблюдается, например, в состоянии рассеянности“.

Восприятия при пассивном внимании, составляя содержание „общей сферы сознания, влияют не путем логического убеждения, а непосредственно воздействуют на психическую сферу, помимо личной ее сферы“.

Таковы общие положения Бехтерева по интересующему нас вопросу.

Б. Сидис (вышецитир. сочин.) приходит к сходной же теории двойственности сознания, исходя главным образом из фактов гипнотического внушения, однако считает ее вполне приложимой и к нормальному течению психической жизни. По мнению Сидиса

должно отличать сознание контролирующее или бодрственное от сознания нищего или подбодрственного“.

Избирающее, контролирующее сознание, исследуя, отбирая и подавляя воздействующие извне стимулы, является охраняющим сознанием вида. Сидис поясняет это так:—„тысячи впечатлений со всех сторон падают на чувства индивидуума, каждое из них стремится перейти в движение, и, если другие впечатления не помешают, неизбежно должно произойти какое-нибудь действие. Но организму невыгодно всегда реагировать, реагировать немедленно на все стимулы, доходящие до него, поэтому тот организм побеждает в борьбе за существование, который снабжен тормозящими центрами. Только стимулы полезные для жизни организма получают возможность совершить свое течение, остальные заглушаются в самом начале. Напротив, при устранении или отделении контролирующего сознания субъект становится неспособным к какому-либо контролю чужих мыслей и противопоставлению им своих—извне данное всецело господствует над его сознанием.“ Взгляды Б. Сидиса на причину, порождающую описанную только что двойственность нашего сознания—сходны с изложенными нами. Причина эта, по его мнению, есть разница в восприятии впечатлений произвольным—активным и произвольным—пассивным вниманием.

Приведенные выше примеры внушения как раз рисуют нам случаи, когда чужие идеи, образы и движения воспринимались субъектом совершенно безотчетно, без всякого приложения с его стороны—„критериев веры“—как сказали бы мы теперь—т.е. воспринимались пассивным вниманием. Внушаемые образы—как зевота, мимика, свертывание газеты, протягивание руки к стакану и др.—всегда миновали контролирующее сознание, занятое в это время чем-либо другим.

Внушения дурного привкуса, насекомого на шею, анестезии руки—(случай проф. Дельбефа) или виденного якобы отверстия (опыт проф. Дюка) своим необходимым условием имеют пассивное отношение субъекта, отсутствие всякой критики, даже тени недоверия. Иными словами, необходимое и характерное условие внушения вообще есть недейтельность контролирующего сознания по

отношению к воздействию впечатлению. „В то время как убеждение обыкновенно действует на другое лицо силой своей логики и непреложными доказательствами, внушение, как и подражание, действует путем непосредственного прививания психических состояний, т.-е. идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике“. (Бехтерев).

Недеятельность контролирующего сознания по отношению к воздействию впечатлению есть сужение поля сознания относительно этого впечатления. Сужение поля сознания ведь и означает, что в сознании отсутствуют всякие добавочные образы, всякие оценочные, соотносящие ассоциации.

На тех же приведенных выше примерах внушения нетрудно видеть, что сужение поля сознания для воспринимаемого впечатления может быть достигнуто различным образом.

Таким, способствующим появлению противных ассоциаций, состоянием является во первых—отвлечение внимания от внушаемого образа. Когда активное внимание—этот контролер, пограничный страж всего поступающего в сознание, отвлечен чем-либо, когда его нет в сфере действия внедряющегося впечатления, это последнее контрабандным, так сказать, путем, не представляя паспорта, вступает в психику и, не встречая критики, стремится вылиться в действие. Что, как не такой процесс, видим мы в примерах заразительной зевоты, или невольной веселости при виде веселого? А когда я, занимаясь с сосредоточенным на предмете этих занятий вниманием, ни с того ни с сего, без сознаваемого желания, как автомат, протягиваю руку и начинаю, совершенно подражая моему другу, умышленно мне делающему внушения, отхлебывать глоток по глотку воду из стакана—разве это не есть дело проскользнувшего мимо контроля двигательного образа.

Совершенно сходное объяснение мы должны дать и случаям автоматического, подражательного свертывания газеты, или направления рукой галстука.

В опытах проф. Дюка, описанных выше, активное внимание испытуемых лиц отвлекалось от внушаемого образа:—в экспери-

менте со внушенным отверстием на монете—тем, что требовалось определить место этого отверстия, в эксперименте со внушенном странного написания буквы *l*—смыслом фраз, специально для этой цели составленных.

Резюмируя результаты своих опытов, проф. Дюк и приходит поэтому к выводам, что 1) внушение удается тем хуже, чем больше субъект сознает, что дело идет о внушении—т.е. чем меньше отвлечено его контролирующее сознание в лице активного внимания, и во 2),—внушение как подражание тем удачней, чем случайней и неожиданней объект подражания. А случайное и неожиданное ведь и значит опять таки идущее в обход занятого другим предметом активного внимания. „Условие нормальной внушаемости—отвлечение внимания. Субъект должен быть сосредоточен на каком-нибудь, не имеющем отношения к делу, пункте, на чем-нибудь, не относящемся к материалу экспериментов, непохожем на предметы употребляемые для внушения... Внимание должно отвлекать от объектов опыта, когда это условие не соблюдалось, эксперименты не удавались (Сидис).“ Отвлечение контролирующего сознания может быть достигнуто не отклонением активного внимания в сторону от объектов внушения, а концентрацией всего поля сознания на одной внушаемой идее, которая, вследствие отсутствия противных ассоциаций, приобретает галлюцинаторный характер.

Крайнюю степень такого искусственного сосредоточения на одном—моноидеизм—представляет состояние загнипозитированного человека в каталепсии. Там всякая идея, всякий образ, всякая ассоциация, исчерпывая одна все содержание сознания субъекта в данный момент, безирекословно принимается как реальность.

Принципиально то же видим мы и в случаях внушения дурного привкуса, легковёрности детей и взрослых, внушения зуда на шее от укушения несуществующего насекомого, внушения нечувствительности руки и т. п. „Обычно—говорит Сидис—внезапное, сильное“ и—прибавляем мы, настойчиво воздействующее впечатление „может чрезвычайно сузить сознание... сознание

будет занято одним только этим сильным впечатлением, будет
внимать только ему“...

Образы непосредственно возбуждающие самые живые чувства
обладают такой способностью—завладевать фиксационной точкой
сознания, в большой мере лишая субъекта контролирующего,
критического к себе отношения. Эмоционально окрашенные идеи
и образы концентрируют на себе сознание, и, если стоящие с ними в
противоречии идеи в свою очередь столь интенсивным чувственным
тоном не обладают—то побеждают первые. Непреодолимое
отвращение к кушанью из-за якобы [ощущаемого привкуса
служит этому подтверждением.

Многие склонны проявлять все признаки действительного
страха, если им только сказать; „под столом мышь“, „в комнате
змея“, хотя бы они и знали, что этого быть не может.
В данном случае мы видим, употребляя удачное выражение
Стеили Холла, как бы кратковременную судорогу внимания на
один предмет. Общеизвестны случаи внушенного покраснения,
когда субъект краснеет в лице, если ему только сказать—„Вы
покраснели“. Не что иное, как подобного рода внушение, пред-
ставляют собою и утешения врачей при каких-нибудь болезненных
операциях—вырывании зуба, наприм., когда они неустанно
повторяют—„это не больно, это не больно. Вам же не больно“,
что влечет очень часто и действительное уменьшение чувстви-
тельности.

Подобными повторениями впечатления наше сознание сужива-
ется до сознавания одной лишь ассоциации—„мне не больно“, и
это суждение, сконцентрировав на себе наше сознание, не дает воз-
можности возникнуть ассоциациям опеночным, критическим и
противоположным.

В фиксации отдельных образов или ассоциаций при общем
сужении поля сознания. Вундт („Гипнотизм и внушение“) видит
психологическую сущность как внушения в нормальном состоянии,
так равно и внушения при гипнозе.

„Чтобы задержать развитие какой-либо идеи, нужно, чтобы
возникла другая идея, противоположная ей, точно также и для

задержания развития какого-нибудь чувства нужно, чтобы появилось другое, более сильное чувство. Можно предположить, что в состоянии внушаемости не хватает памяти для двух чувств или двух мыслей одновременно" (Ш. Рише).

Добавочные, оценивающие идеи оказываются устраненными. В гипнотизме для достижения этого существует ряд искусственных приемов. В нормальной же обыденной жизни эти приемы заменяет вера. Вера заранее уже предопределяет то, что полученные впечатления не вызовут противных ассоциаций,—в ином случае это не была бы вера.

Заговоры знахарей, всякого рода заклинания, целебные амулеты, равно как и чудеса, и исцеления у мощей и икон, фактичность коих часто бесспорна,—объясняются внушением и самовнушением, с их концентрацией всего сознания на одном фиксируемом представлении. Описание многих фактов исцелений болезней первого происхождения читатель может найти в упоминавшейся уже книге проф. Бехтерева—„Внушение и его роль в общественной жизни“.

Объяснение всему этому следует искать в достигаемом в этих случаях моноидеизме верующих,—в сужении поля их сознания т.-е. принципиально в том же, что вызвало в наших примерах галлюцинацию зуда на шее, покраснение лица и т. п.

Поскольку такое сужение сознания до одной идеи достигается без непосредственного сознательного воздействия со стороны других людей—мы говорим о случаях самовнушения. Идеи, ярко окрашенные эмоционально, особенно легко захватывают сознание, преграждая в него доступ идеям эмоционально более безразличным. Вот почему психологически совершенно понятно, что „страсть из самого умного человека делает глуща“ (Ларошфуко).

Третьим условием, дающим входящим в сознание впечатлениям возможность войти безотчетно, не вызывая деятельности контролирующего сознания—является состояние общей пассивности субъекта. Стоит лишь вспомнить, как мы легковерны в состоянии

усталости и как мы в подобном состоянии мало способны чему-либо удивляться. Сюда же следует отнести и общую недостаточность развития активного внимания в зависимости от ограниченности координированного опыта данного лица. Последнее мы и видим как раз у детей, внушаемость коих больше внушаемости взрослых.

Итак, следовательно, три условия способствуют безотчетности восприятия воздействующих на нас впечатлений или же возникающих у нас идей. Эти условия: во 1) отвлечение активного внимания, во 2) сосредоточение всего внимания на одной идее, в 3) состояние общей пассивности активного внимания вследствие утомления, недостаточности опыта и др. причин.

Сделав такие выводы, мы все же уясняем лишь одну сторону внушения. Именно, нами проанализирована его воспринимающая, чувствующая сторона. У внушения же, как целого процесса, остается еще и другая—и притом более важная сторона—сторона действенная, двигательная. Что во внушении эта другая сторона имеется, это мы можем ожидать уже и на основании самого определения внушения, данного нами выше: внушение, говорили мы, есть внедрение в психику какого-нибудь представления, образа, принимаемого субъектом безотчетно и стремящегося реализоваться т.-е. иметь действительное значение.

Зрительные образы зевоты, движения руки к стакану, будучи безотчетно приняты сознанием, не остаются в нем бездейственными. Запавший образ зевоты—вызывает соответствующие мускульные сокращения, и мы зеваем. То же наблюдается и при протягивании руки за стаканом, равно как и в примере со свертыванием газеты. Не то же ли самое видим мы и в том случае, когда при внушении дурного привкуса—субъект делает брезгливую гримасу и отодвигает от себя кушанье, или когда внушенный зуд на шее заставляет нас вертеть головой или производить движения смахиванья чего-то с шеи.

Все это суть факты, бесспорно говорящие за то, что содержания нашего сознания вообще, а внушенные в особенности,

стремятся быть выраженными, быть так или иначе реализованными.

Как в рефлексе стимул-раздражение влечет, не будучи затрагиваемым другим раздражением, неминуемое движение — так и внушенный образ влечет ту или иную реализацию его — при условии, если поле сознания достаточно сужено, т. е. нет оценочных, затормаживающих ассоциаций.

Поэтому-то некоторые ученые и сближают процесс внушения с рефлексом: — „Внушение есть рефлекторный акт сознания“ (Гурнуа). Типичный случай внушения имеется на лице тогда, когда какая-либо идея, образ или же неясное впечатление, „вторгнувшись в сознание, стремятся вызвать те мускульные или волевые эффекты, которые вызывают обычно“. (Болдуин) — „Механизм внушения может быть формулирован так: усиление рефректорной, идеомоторной и идеосенсоральной возбудимости“ (Бернгейм):

Со всем этим мы стоим перед проблемой объяснения этой двигательной стороны внушения. И здесь мы видим, что недоумение возникает у многих при наблюдении таких явлений, как покраснение при одной мысли об этом, гримаса при мысли о плохом привкусе, равно как и при наблюдении еще более замечательных случаев внушенной нечувствительности, в результате одной лишь мысли, что — „я не чувствую“. Подобное возможное недоумение есть следствие уже оставленной наукой, но еще живущего в популярном понимании взгляда на отдельные стороны душевной жизни, как на нечто в действительности совершенно раздельное. У нас еще признаются в таком взаимно изолированном виде мысль, чувство и воля: Если мысль есть нечто раздельное от воли и чувства, нечто с ними органически и необходимо не слитое — справедливы недоумения, когда мы видим, что человек, имеющий только мысль о насекомом у себя на шее, дрожит и чувствует некоторую боль, или, — как это бывает в гипнозе, — имея мысль „я сплю“ — засыпает и т. д. Но трудности в понимании этих явлений должны значительно уменьшиться и даже совсем отпасть, как только мы отвергнем подобную теорию изолированных душевных способностей и посмотрим на мысль не как на нечто изолированное от чувства и воли.

не как на—„чистую мысль“, но будем видеть в ней слияние всех трех, основных, выделенных лишь абстрактно, характеристик человеческой психики.

Основным и первичным проявлением жизни является чувственно-двигательная реакция организма. Совершенно соответственно с этим и основные и первичные психические состояния имеют реактивный характер. „Главная линия или направление всех психических процессов идет от восприятий через чувство к действиям-движениям. В этом состоит и общий жизненный смысл всей психической жизни, как биологической организации на всех ступенях ее развития: воспринимать состояния и изменения в окружающей среде, оценивать их пригодность или непригодность для индивида в чувствах удовольствия или страдания и соответственно тому целесообразно реагировать на среду движениями. Построенный по общему типу рефлекса, основной психический процесс имеет поэтому сенсомоторное направление“ (проф. Н. Н. Ланге. Психология. 1914.)

Всякий образ и идея, следовательно, тесно слиты по своей природе с определенными действиями, их выражающими или им содействующими. Еще в 1833 году Шеврель высказал тот взгляд, что мысль есть всегда в то же время и начало действия. Мысль о движении есть уже зачаточное движение. Это положение он иллюстрировал своим известным опытом с маятником. Опыт состоял в том, что субъект брал в руки подвешенный на нитке маятник и должен был лишь думать о его движении. Оказалось, что при этом всегда появляются соответствующие движения маятника и в действительности. Даже более того, размах колебаний маятника становится все большим, если субъект при этом еще сам смотрит на движения. Мы видим таким образом, что восприятие, усиливая живость образа, вместе с тем увеличивает и интенсивность действенной стороны его.

По Фуллье—„Всякая идея есть сила, а следовательно и начало действия.—Мысль в одно и то же время и эмоция, и желание, и движение.“

Факты отгадывания мыслей в виде нахождения спрятанных другими предметов—аналогичны опыту Шевреля. Если я настой-

чиво думаю о направлении, в котором лежит спрятанный мною предмет и в то же время держу за руку субъекта, долженствующего этот предмет найти — я невольно своей мыслью пробуждаю в своей руке соответствующие движения, которые, передаваясь субъекту, незаметно для нас обоих подталкивают его в нужном направлении. Подобным же действенным характером идеи, образа должно объяснять и факты верчения столов, чем занимаются спириты. Несознаваемые толчки одних из участников, сообщаемые столу, передаются другим, причем в общем усваивается некоторое общее направление.

Наконец, всем известна не быкновенная двигательная сила умственных образов в детском мышлении. Для детей рассказывать о событиях очень часто значит то же самое, что изображать это событие. Их мимика, позы, жестикуляция дают нам возможность без труда угадывать их мысли.

В меньшей степени, вследствие большей сложности сознания, такую же живость двигательной стороны — видим мы и у взрослых людей. Но упомянутая осложненность сознания заставляет нас, взрослых, часто умерять нашу экспансивность. В старости ослабление контролирующего сознания, служащего задерживающим центром, вновь влечет повышение деятельности двигательной стороны мышления. Старики, как известно, часто мыслят вслух, произнося слова, или же, когда думают, то шевелят пальцами. То же самое подтверждают, известные в науке, случаи усиленных сердцебиений под влиянием одной лишь мысли, что сердце бьется все сильнее и сильнее.

Существование подобного рода идеомоторных движений — т. е. движений порождаемых одним лишь представлением о них — неоднократно устанавливалось и при помощи точных лабораторных приемов.

На рисунке 1-ом изображен один простейший из таких приборов, служащий для регистрации движений пальцев руки.

Субъект кладет палец на площадку *a* так, что с обеих сторон этот палец свободно касается штифтов *b* и *c*. В случае ма-

лейшего движения пальца вправо или влево происходит нажим на один из этих штифтов. Нажим же на штифты передается на резиновые пленки *d*, производя в натянутых этими пленками пи-

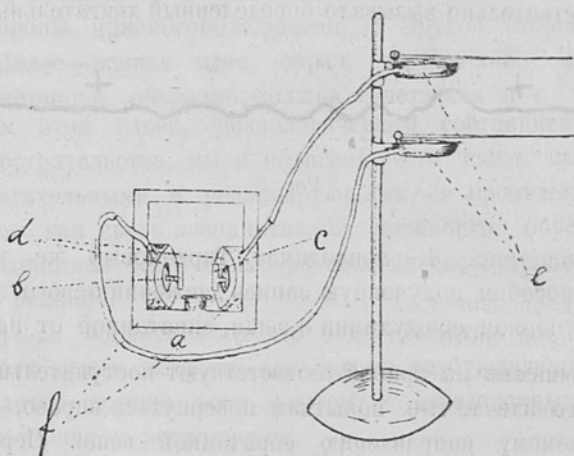

Рис. 1.

линдриках сгущение воздуха, передаваемое далее через посредство резиновых трубок в записывающие барабанчики *e* и приводящие в движение, лежащие на этих барабанчиках, пишущие перья. Если мы теперь приставим к этим перьям законченную поверхность вращающегося цилиндра-кимографа, то движения их будут зависеть на этой поверхности в виде кривых.

На рис. 2 приведены две кривые, полученные проф. Тархановым.

Нижняя кривая записана пером, соединенным с правым штифтом, верхняя—с левым. Крестиками отмечены моменты, когда суб-

Рис. 2.

екту предлагалось сосредоточенно подумать о движении пальца в одном случае вправо, в другом—влево.

Как можно видеть на этих кривых, представление движения действительно вызывало определенный двигательный эффект.

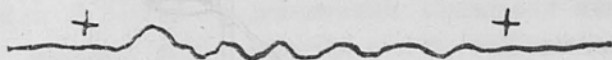

Рис. 3.

Кривая рис. 3, приводимая Тархановым же, изображает сходным способом полученную запись движений левого плеча субъекта при упорном его думании о вещи, спрятанной от него вправо.

Возвышения на кривой соответствуют поступательным движениям левого плеча, т.-е. попыткам повернуться вправо,—сообразно представляемому направлению спрятанной вещи. Периодичность этих движений говорит за то, что, замечая их, субъект вновь отодвигался несколько назад в нормальное положение, затем поворачивание корпуса вновь появлялось, опять им исправлялось и так несколько раз. Крестики отмечают начало и конец сосредоточенного думания о вещи, находящейся вправо.

Обобщая все эти факты подобной реализации образов, особенно многочисленные, как это мы позже увидим, в случаях гипнотического внушения, Болдуин, находит возможным рассматривать их, как выражение одного универсального закона, закона диамогенеза. В силу этого закона — „всякое ощущение и представление стремится реализоваться в движении и внешнем действии“. Всякое представление, всякий образ, всякое ощущение, всякий импульс, относящийся к движению, как бы смутны и мало сознаваемы они ни были, содействуют своей реализации. Что это так — мы видим.

Может возникнуть теперь более трудный вопрос: какому закону в свой черед подвержен процесс реализации образов? Образ покраснения влечет действительно покраснение. Образ движения руки за стаканом—в приведенном нами примере—действительное

сокращение определенных мышц, дающих в результате вполне определенное движение. Что за связь существует между самой мыслью и ее внешне-двигательной стороной?

Всякое восприятие бывает обычно сопряжено с движениями, с одной стороны приспособительными, с другой стороны—реактивными. Далее—всякая идея, образ, какого-либо физиологического состояния, очевидно, должна сочетаться и с наличным, выражаемым этой идеей, физиологическим состоянием. Имея в виду эти обстоятельства, мы и полагаем, что связь мысли с ее внешне двигательными и реализующими ее проявлениями есть не что иное, как связь ассоциативной смежности, обусловленной реальным единством всего психо-физиологического процесса наших жизненных реакций.

Мысль „я покраснел“ (здесь надо помнить, что в случаях внушения эта мысль является для нас не возбуждающей никаких сомнений) тесно связана всем опытом с определенным физиологическим состоянием покраснения.

Появление же одного члена этой прочно слившейся ассоциации и влечет за собою другой—в результате чего мы и краснеем действительно.

II.

Все изложенное выше может давать нам понимание явлений внушения в нормальном состоянии. Факты внушения при гипнозе гораздо более поразительны.

Как мы видели три главных условия создают благоприятную почву для осуществления внушения: отвлечение активного внимания, крайнее сосредоточение его на одной идее, общая пассивность произвольного внимания. Эти условия при всей их обычности, обеспечивают поле для воздействия внушения лишь урывками, они не обеспечивают длительности состояния внушаемости.

Отвлеченное от внушаемого внимание в нормальном течении психической жизни—может мгновенно на него устремиться, и

благодаря этому мы легко удержимся от выполнения внушаемого. Концентрация сознания на одной идее—есть фактор более других постоянный из числа факторов, способствующих внушению в нормальном состоянии, но и здесь мы все же не бываем гарантированы от возможности появления каждую минуту противоречащих ассоциаций и образов. Наконец, в утомленном состоянии мы обычно легко внушаемы все же лишь по отношению к чему-нибудь нам в достаточной мере индифферентному.

Вот почему в нормальном состоянии постоянство, длительность внушаемости не обезпечены. В ненормальной внушаемости, в состоянии гипноза, напротив, субъект находится в полной зависимости от желания гипнотизера в отношении продолжительности состояния внушаемости.

В гипнотическом состоянии контролирующее сознание с самого начала отщеплено и парализовано—а это как раз и есть идеальное условие для полного подчинения загипнотизированного внушениям извне. Гипнотическое состояние есть состояние с подавленным контролирующим сознанием.

Чем же достигается такое состояние сознания и чему оно подобно из явлений нормальной психической жизни.

Вопрос о природе гипноза имеет большую историю. Полного уяснения сущности этого явления во всей его полноте мы тем не менее не имеем еще в строго научном виде и по сие время. Нельзя, однако, не признать вместе с Вундтом (Гипнотизм и внушение), что все теории гипноза, не учитывающие установленных уже в науке закономерностей физического и психического мира, тем самым стоят методологически на почве ложной, стремясь объяснить неизвестное неизвестным же.

Пойдя иным путем, следует указать на то, что гипнотическое состояние в общем и целом сходно со сном и сновидением. Подобно тому как во сне не существует контролирующего сознания—его нет и в гипнотическом состоянии. Как там, так и здесь наша чувствительность к внешним раздражениям значительно понижена. Положительная сторона гипнотического состояния сближает его со сновидением. Как там, так и здесь зародившиеся представления приобретают характер действительности—объективно

реального. Сохранением в некоторых случаях телодвижений, а также и галлюцинаторным характером представлений гипнотическое состояние близко состоянию сомнамбулизма.

Основным, обуславливающим интересующие нас в этом очерке явления внушения, фактом является при загипнотизированности факт подавления нормального, контролирующего сознания. Чем же такое подавление достигается? Иными словами—какие бывают способы гипнотизации, и какова их общая психологическая сущность? К этому и обратимся. Одним из условий, способствующих отщеплению контролирующего сознания от всего прочего потока переживаний, служит,—как то мы видели уже выше—концентрация всего сознания на одной идее—искусственный моноидеизм. Сообразно с этим и приемы гипнотизирования стремятся различными способами сузить поле сознания субъекта—сосредоточить его на чем-нибудь одном, т. е. повергнуть гипнотизируемого в состояние моноидеизма. „Я держу пальцы перед глазами пациента и прошу его сосредоточить внимание на идее сна“. „Утомительное, монотонное и непрерывное впечатление на одно из чувств производит умственную дремоту, прелюдию сна“—пишет об этом Беригейм.

Иногда гипнотизер в таких случаях просто говорит:—„Ваши веки тяжелы, ваши глаза утомлены, они начинают мигать, вы чувствуете сонливость, ваши руки и ноги неподвижны, сон наступает, спите“. Или же, подобно няне при укачивании ребенка, просто—„спите, спите“—до действительного наступления сна.

Опыты лаборатории акад. И. П. Павлова („Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных“) над собаками, произведенные по выработанному им методу „условных рефлексов“, показали, что и животные могут быть искусственно усыпляемы под влиянием однообразных, повторяющихся или длящихся впечатлений—особенно впечатлений температурных и осязательных.

Гипнотическое состояние вызывается иногда также и сильным и внезапным впечатлением. Такой способ может быть успешным, как замечает Бине—у людей чрезвычайно эмоциональных и у истеричных: неожиданный сильный стимул поражает их, как удар грома, суживает сознание и вызывает гипноз. Поэтому, иногда для

достижения гипнотического состояния субъекту, например, бросают в глаза снопы ярких лучей.

У лиц невропатических, подвергавшихся неоднократно гипнотизации, гипнотическое состояние может вызываться и без применения каких-либо особых психофизиологических раздражителей по одному лишь слову гипнотизера или его жесту.

Наряду с длительным устранением критического сознания состояние загипнотизированного характеризуется особой чуткостью к внушениям, исходящим специально от одного определенного лица—гипнотизера. Между загипнотизированным и гипнотизером устанавливается особо тесная связь.

Ее следует понимать по аналогии с той „избирательной чуткостью“, каковую мы сплошь и рядом наблюдаем и в нормальной жизни, например, у спящей матери: звуки гораздо более громкие ее не будят, в то время, как малейший писк ребенка заставляет ее тотчас же проснуться. То же имеет часто место у лиц, несущих всякого рода дежурства: безразличные раздражения, хотя бы и более сильные, ими не замечаются, более слабые же, но относящиеся к ожидаемому ими кругу впечатлений,—сразу их настораживают.

Устраненная личная инициатива загипнотизированного как бы переходит к гипнотизеру.

Все разнообразие главнейших случаев гипнотического внушения может быть сведено к следующим рубрикам:

1. Автоматическое повиновение и подражание.
2. Галлюцинации.
3. Изменение чувствительности.
4. Изменение физиологических процессов.
5. Послегипнотические явления.

В силу дизаггрегации, отщепления в гипнозе нормального контролирующего сознания, связанного с памятью—все явления гипноза характеризуются обычно большей или меньшей амнезией—отсутствием памяти о том, что было совершено в гипнотическом состоянии.

Примеры автоматического повиновения мы имеем, когда загипнотизированному субъекту говорят:— „ходите“, и он ходит, „вертитесь“, он вертится,—„вы не можете двигаться“, он остается

ся неподвижным, — „пойте“, субъект начинает петь, — „плачьте“, плакать и много др. в том же роде.

Далее, внушенные в гипнотическом состоянии образы, как бы они невероятны и фантастичны ни были, приобретают в сознании загипнотизированного галлюцинаторный характер, т. е. обладают яркостью подлинных ощущений. Пьер Жанэ сообщает („Психический автоматизм“), например, как он, обращаясь к женщине, над которой производил свои наблюдения, сказал: „Я принес вам очень вкусный персик. Предложите половину г-же X, а остальное кушайте сами“. Она брала ножик, резала им по воздуху—после чего одну руку протягивала г-же X, а из другой как бы ела с видимым удовольствием. Другому лицу Жанэ же внушил, что в комнату входит слон, и оно сторонилось, чтобы дать слону дорогу, и забавлялось, протягивая воображаемому животному хлеб. Без труда обычно бывает возможным внушить, что стоящая перед субъектом рюмка с вином содержит не вино но неприятное на вкус лекарство, выпить которое ему однако необходимо. Субъект выпивает, морщась и видимо страдая.

Чрезвычайно существенно отметить для понимания многих гипнотических явлений следующее: хотя гипнотический транс по самому существу своему представляет дизаггрегацию, отщепление и парализование контролирующего сознания, однако внушенные образы не во всех случаях остаются в сознании одинокими и в полном смысле слова автоматически выполненными, но в иных случаях в сомнамбулизме бывают способны вызывать ряд ассоциаций, которые, не будучи ассоциациями оцепочными, создают, однако, в сознании субъекта целую галлюцинаторную картину—всецело, впрочем, обусловленную и развившуюся согласно внушенной гипнотизером идее. Сюда следует отнести те изменения личности под влиянием внушения, которые описаны у того же Жанэ.

Так, он внушал одной особе в различное время то, что она генерал, то, что она графиня, и она связано галлюцинировала в детерминированном такими внушениями направлении.

Что-либо несогласное с идущим от гипнотизера потоком внушений на субъекта влияния не оказывает совершенно.

Как замечательные примеры отрицательных галлюцинаций очень обычны случаи внушенного невидения определенных предметов.

Бергейм внушал субъекту, что он не будет видеть его, и действительно загипнотизированный тщетно для себя искал гипнотизера; исходившие от него впечатления—зрительные, слуховые, осязательные на субъекта совершенно не действовали. Интересно здесь отметить, что загипнотизированный видит обстановку комнаты так, как если бы гипнотизер от него ничего не заслонял—следовательно он восполняет восприятие памятью, заполняя невидимое пространственно положительными галлюцинациями.

Случаи изменения чувствительности при гипнотическом внушении также довольно обычны. В зависимости от внушаемого мы можем вызвать анестезию—нечувствительность, или же гиперстезию—повышенную чувствительность. Достаточно бывает сказать субъекту, что рука его нечувствительна, как она действительно перестает ощущать боль, будучи подвергнута щипкам или уколам.

Обратное, т. е. (повышенную чувствительность видим в случае доктора Бремо.

Так, он приказал одному из своих больных в нормальном состоянии вслушиваться в тихий разговор, происходящий однако слишком удаленно от субъекта, чтобы он мог что-нибудь понять из разговора. Больной ничего и не расслышал. Но стоило сделать субъекту внушение в гипнозе—и слова разговора были им услышаны совершенно ясно.

Близкими к вышеописанному, но еще более поразительными являются физиологические изменения под влиянием гипнотического внушения. Шарпиньон и многие др. авторы свидетельствуют о том, что гипнотизер внушением может вызвать действительные раны. Воображаемый горчичник действительно вызывает покраснение кожи,—Пьер Жанэ вызвал внушением ожога взволдыряния, вздутие кожи, причем появились действительно струпики, на следующий день затвердевшие. От простой намазанной клеем бумаги получаются водяные волдыри, если внушить субъекту, что бумага эта вытяжной пластырь. Из заживающей царапины путем внушения можно вызвать кровотечение.

Рокахон, аптекарь в Шарме, а также Менье производили и обратные опыты. Именно: ставя субъекту настоящий вытяжной

Рис. 4. След от лопнувшей пустулы, полученной от внушения ожога.
(Из статьи П. Под'япольского „Волдырь от мнимого ожога, причиненный словесным внушением в состоянии искусственного сна“. Саратов, 1905).

пластырь, они путем внушения препятствовали образованию нарыва, в то время, как пластырь того же качества, постановленный на другом контрольном месте кожи у того же лица и в то же время, вызывал все обычные явления взволдыряния. На рисунке 4 читатель может видеть фотографию вызванного внушением нарыва на шее.

Чтобы приблизиться к объяснению всех этих явлений нужно опять-таки помнить, что переживаемая нами мысль всегда есть больше, чем лишь логическое сцепление безтелесных понятий. Упорная мысль о каком-нибудь состоянии уже есть само это состояние в зачаточной, обычно заторможенной, фазе развития. В гипнозе критические стеснения для реализации идеи отпадают, и мы видим факты, кажущиеся на первый взгляд чудесными. „Умственное представление это уже зародившееся ощущение; в сущности, это уже начинающееся действие. Достаточно, чтобы мы были убеждены, что какое-нибудь явление совершается, что мы должны что-нибудь увидеть, услышать, почувствовать—и соответствующий образ и ощущение часто являются с полной реальностью.

Иногда люди совершенно нормальные испытывают странные ощущения, прикасаясь к электрическому аппарату, даже когда он бездействует. Часто студенты под влиянием постороннего утверждения видят в микроскопических препаратах то, чего там вовсе нет. Иные люди чувствуют жирное прикосновение и запах керосина, дотронувшись рукой до новой лампы, которая никогда еще не была заправлена“. (Дюбуа. „О влиянии духа на тело.“)

В иных случаях гипнотизма внушенный в трансе поступок выполняется загипнотизированным субъектом уже по пробуждении от гипнотического состояния—часто по прошествии большого промежутка времени. Субъект, получивший в гипнотическом состоянии приказание спустя несколько дней после пробуждения прийти к своему знакомому, увидеть его испачканным мелом и рассмеяться—в точности все это выполняет. Такой же автоматизм выполнения наступает через определенный срок и в случае, если субъекту внушат, например, поставить стул, сложить или вычесть цифры определенных таблиц и т. д. Интересно и важно отметить, что в таких случаях субъект, выполняя внушенные приказания, для себя самого действует по какому-то неопределенному влечению. В числе послегипнотических явлений могут иметь место и случаи, когда внушенное изменяет позднейшие чувственные восприятия. Так, если о клейкой бумаге почтовых марок было внушено, что она вытяжной пластырь, то для субъекта и после пробуждения клейкая бумага может оказывать действие пластыря. Сюда же относятся случаи внушенного

отвращения к алкоголю и другие случаи приложения гипнотического внушения для исправления каких-либо нравственных извращений.

Вундт объясняет подобные факты постгипнотических внушений повторным кратковременным возобновлением гипнотического состояния. Внушенная ассоциация вроде, например, — „алкоголь противное“, — хотя субъект и не сознает, откуда она у него возникла и насколько справедлива, так закрепилась в подсознательной его сфере, что с прежней яркостью и повелительностью возникает при появлении одного из ее членов — бутылки с алкоголем. Но это возможно, очевидно, лишь при узнавании, в данном случае алкоголя, как алкоголя, т.-е. при узнавании вызывающего другой член первого члена ассоциации. Отсюда становится понятным для нас и употребляемый по отношению к постгипнотическим внушениям термин Вундта — „мнемонические ассоциации“.

Резюмируя все вышесказанное касательно природы гипнотического внушения, мы склонны полагать, что основные факты его могут быть таким образом поняты из сочетания тех же законов естественной психической жизни, каковые лежат в основе явлений внушения и в состоянии нормальном.

III.

Раз внушение при ближайшем рассмотрении его природы оказывается явлением совершенно естественным и обычным, то неминуемо встает вопрос о роли и значении этого фактора в деле педагогическом. Представляет интерес рассмотреть как сферу проявления этого фактора в деле воспитания, так и даваемые им в руки воспитателя возможности.

Если внушаем в большей или меньшей степени всякий человек, то ребенок внушаем в наибольшей мере. В современной экспериментальной психологии произведено много исследований, всецело подтверждающих это положение, вполне понятное, впрочем, уже и из общих соображений.

Как ребенок, не обладающий ни достаточным опытом, ни достаточной способностью активного координирующего и критикующего внимания, может воспринимать окружающие его впечатления— как не безотчетно, не почти безызъятым путем внушения.

Действие суждения о том, что хорошо, что дурно, что можно и чего нельзя, детский язык, их антипатии и симпатии, детские оценки себя и окружающих, детские манеры держаться и говорить, все это и многое другое есть огромная сфера по преимущественно внелогических влияний, т. е. внушений со стороны окружающего.

Интересны известные опыты, произведенные Бинэ (*La suggestibilité*) над внушаемостью детей школьного возраста 7—14 лет. Опыты состояли в следующем: в окошке экрана детям показывались последовательно, одна за другой, 36 параллельных горизонтальных линий. Первые пять линий по своей длине представляли возрастающую арифметическую прогрессию и были равны соответственно —12, 24, 36, 48, 60 миллиметрам; начиная же с пятой линии все последующие были одинаковой длины, равной 60 миллиметрам. Задача каждого школьника состояла в том, чтобы у себя в тетради провести линию, равную только что показанной ему в окошке экрана.

Предполагалось, что увеличение длины первых пяти линий может безмолвно внушить детям идею того, что и дальнейшие линии продолжают неизменно возрастать. Результаты опыта вполне подтвердили подобное предположение. Ни один из школьников не прекратил увеличивать длину линий на 5-ой линии, что соответствовало бы истине, но все подвергавшиеся эксперименту дети поддались в большей или меньшей степени внушавшейся идее непрерывного увеличения линий. У некоторых эта внушенная идея продолжала влиять вплоть до самой последней, 36-ой линии. См. рис. 5.

Дети стремятся подражать буквально всему, что видят и слышат, разумеется, не разбирая нравственную стоимость объектов своего подражания.

Как известно, одним из аргументов против применения публичной смертной казни в Англии в 1856 году было указание на тот факт, что присутствующие при таких казнях дети неизменно

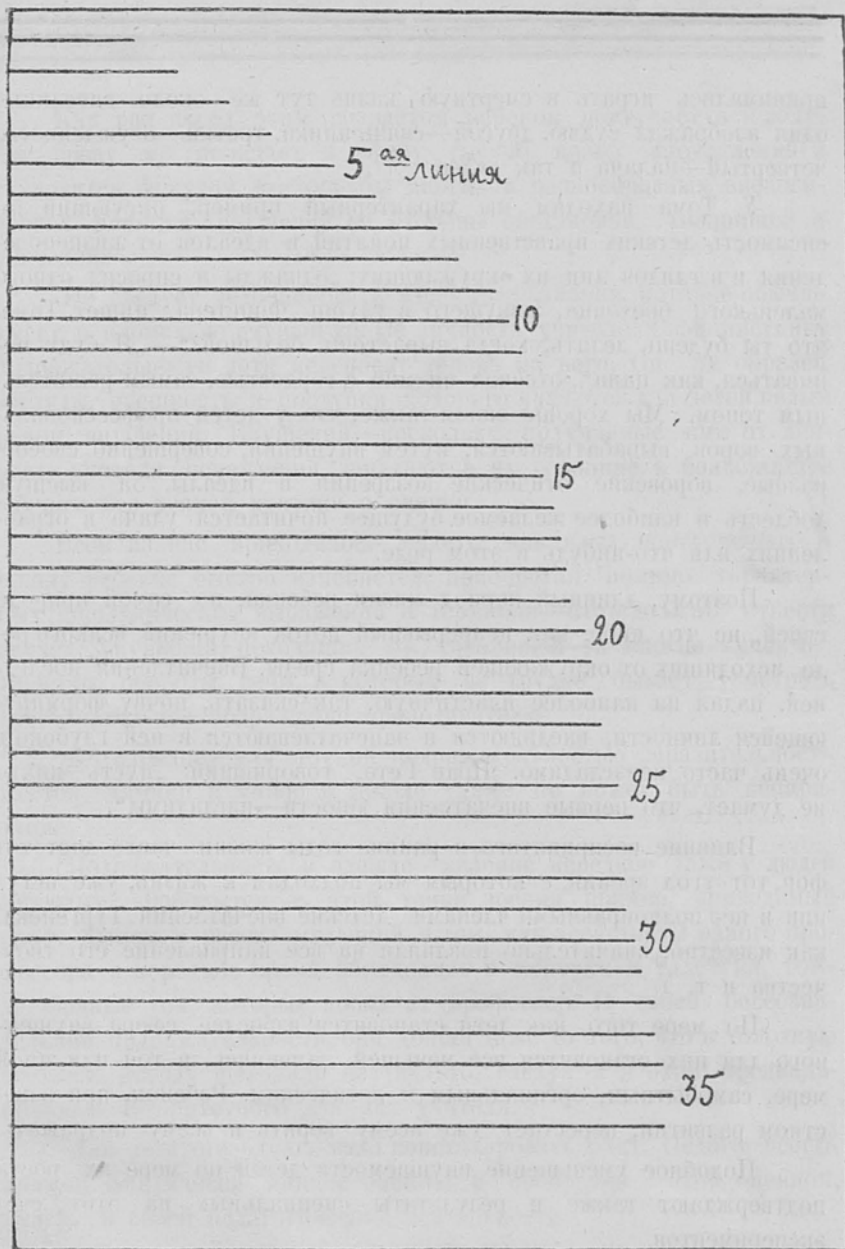

Рис. 5. Результаты опытов Бинэ над одним 10-ти летним школьником, обнаружившим чрезвычайную внушаемость. Как можно видеть, этот испытуемый продолжал проводить линии все более длинные вплоть до 36-ой линии, несмотря на то, что с 5-ой линии ему пред'являлись линии все время одинаковой длины.

принимались играть в смертную казнь тут же около виселицы: один изображал судью, другой—священника, третий—осужденного, четвертый—палача и так далее.

У Тома находим мы характерный пример, рисующий зависимость детских нравственных понятий и идеалов от жизненного поведения и взглядов лиц, их окружающих: „однажды я спросил одного маленького бретонца, живущего в глуши Финстера, пишет Тома, что ты будешь делать, когда вырастешь большой?“—„Я буду напиваться, как папа“,—отвечал он мне с гордостью, самым решительным тоном. Мы хорошо знаем также, что у детей профессиональных воров вырабатываются, путем внушений, совершенно своеобразные, воровские этические воззрения и идеалы. За высшую доблесть и наиболее желаемое будущее почитается удача в ограблениях или что-нибудь в этом роде.

Поэтому, длинный период жизни ребенка, по самой природе своей, не что иное, как непрерывный поток внушений всякого рода, исходящих от окружающей ребенка среды. Впечатления последней, падая на наиболее пластичную, так сказать, почву формирующейся личности, внедряются и запечатлеваются в ней глубоко и очень часто неизгладимо. Прав Гете, говоривший: „пусть никто не думает, что первые впечатления юности—изгладимы“.

Влияние воспринятого в ранние годы жизни часто дает тот фон, тот угол зрения, с которым мы подходим к жизни, уже вступив в нее полноправными членами. Детские впечатления Тургенева, как известно, значительно повлияли на все направление его творчества и т. д.

По мере того, как дети становятся взрослее, сфера внушенного для них становится все меньшей, заменяясь, в той или иной мере, самобытным, оригинальным и логическим. Ребенок, при известном развитии, перестает уже всему верить и всему подражать.

Подобное уменьшение внушаемости детей по мере их роста подтверждают также и результаты специальных на этот счет экспериментов.

По данным некоторых исследователей (Джилберт, Гиди) наибольшую внушаемость дети обнаруживают в возрасте около 9-ти

дет. Как раз перед этим возрастом ребенок поступает в школу, где сразу же попадает в сферу тысячи новых впечатлений и становится фокусом для борьбы многих и разнообразных внелогических влияний—внушений со стороны обстановки, товарищей и учителей.

Не следует недооценивать здесь того влияния, которое обычно имеет в нормально идущей школе личность учителя. Свой инстинкт подражательности дети переносят теперь на него. Он их образец взгляды, внешность и поступки которого являются для детей целым рядом внушений. Внушений—поскольку получаемые ими от личности учителя впечатления западают в их сознание в большинстве случаев без всякой критики и оценки.

Всем из нас приходилось видеть, как язык поступившего в школу ребенка быстро изменяется, приобретая помимо характерных школьнических выражений и терминов—что должно отнести на счет внушений, исходящих от товарищей—и многие „ученые“ термины, обороты речи, в которых не трудно бывает усмотреть бессознательное подражание преподавателю.

Обусловливаемая детской подражательностью заразительность жестов, мимики и манер в школе также не может быть оспариваема.

Подражательность в одежде—явление нередкое даже у людей взрослых. Любопытен с этой точки зрения пример, приводимый проф. Дюком и рассказывающий о том, как ассистенты одного профессора в короткое время обрядились в сюртуки и галстуки, тождественные тем, которые послал их профессор. В своей бессознательной подражательности они дошли даже до того, что в холодную осеннюю погоду щеголяли без пальто, следуя и в этом оригинально авторитетного для них учителя.

Для педагога однако мало констатировать факт. Педагог всегда должен фактически данное оценить и сообразно с этой оценкой, учесть в своей педагогической деятельности.

Так же обстоит дело и по отношению к детской внушаемости. Дети крайне внушаемы, крайне подражательны. Но как должен относиться к этому педагог? Если мы будем иметь в виду са-

мое общее и формальное определение целей воспитания, как выработку всесторонне развитой и социально-ориентирующейся личности, то против сознательного использования внушения в деле воспитания возможны следующие возражения. Прежде всего, внушение действует всегда обезличивающе, влияния внушения есть всегда влияния нивелирующие, стремящиеся убить отличие отдельного индивидуума, между тем личность особо ценна для нас, именно как нечто „отличное“ от других, нечто „неповторяемое“, не имеющее себе второго экземпляра. Далее: внушаемость, стирает индивидуальные особенности, ценные уже сами по себе.

Культивируя внушаемость учеников, мы способствуем развитию обоюдоострого орудия. Если, следуя нашим внушениям, воспитанники приобретают желательные взгляды и правила поведения, то ничто не гарантирует того, что, вследствие той же внушаемости, наряду с желательными внушениями ученик не воспримет с другой стороны и внушений самых дурных и нежелательных.

Наконец, накопленное путем внушения формирует ведь то, что является сферой безотчетного, нелогического, т.-е. того, чего мы, требуя от человека сознательности, менее всего желаем.

Несознаваемое нами самими повторение нами чужих взглядов, оценок и манер, бессознательное следование чужим симпатиям и антипатиям, употребление чужих оборотов речи, перенимание чужих принципов поведения, есть во 1-х обидный для нас самообман, во 2-х, мы уподобляемся во всем этом каким-то автоматам без собственного рассуждения, каким-то медиумам-передатчикам посторонней воли.

С другой стороны, однако, в защиту сознательного применения внушения в педагогике можно привести также некоторые соображения. Подражательность и легковерность растущего человека дают ему прежде всего легкую возможность приблизиться к достигнутой уже человечеством ступени культуры, что ему было бы гораздо труднее сделать, если бы он не был внушаем.

Вместо того, чтобы долгими и напряженными усилиями проходить весь пройденный человечеством путь приспособления к раз-

личным условиям, формирующаяся личность достигает того же неизмеримо легче путем имитации, путем подражания.

✓ Во-вторых,—и это особенно важно—все внушения, будучи безотчетными и внелогическими, сами по себе не исключают возможности быть впоследствии обоснованными логически, и таким образом стать связной частью опыта, составляющего сферу контролирующего сознания субъекта. Отец, подающий пример неуклонного исполнения долга или вежливого обращения, вызывает в ребенке подражание путем внушения, своим примером т.-е. путем внелогическим. Однако ничто не мешает создаваемую этим путем привычку обосновать и доводами убеждения.

✓ Третьим, не менее важным аргументом, говорящим в пользу использования внушения в деле воспитания,—будет указание на то, что внушение может быть внушением метода, а в том числе и метода критичности и вдумчивости в отношении к окружающему.

Поэтому, вполне сознавая важность воспитания критического отношения, мы этим самым еще не отвергаем необходимость внушения, как средства педагогического воздействия. Не следует ведь никогда забывать и о той несомненной истине, что дети живут в мире наглядного по преимуществу. Отвлеченные построения разума, чего бы они не касались, чем более они отвлечены, неконкретны, тем более они и чужды детям и тем менее способны побуждать их к действию. Это справедливо, впрочем, и по отношению не только к детям. Для взрослых то же самое—чем абстрактней идея, тем она безразличней, и тем слабее ее двигательная сила.

Образ эмоционально окрашенный, а таким является в большей или в меньшей степени всякий конкретный факт действительности, при сопоставлении с идеей абстрактной, лишенной всякой наглядности, всегда окажется победителем. Из таких элементарных психологических истин и следует, что, желая привить ребенку то или иное этическое положение—правило, должно сделать это правило возможно более конкретно наглядным. А здесь то и представляется педагогу широкая возможность воздействовать на воспитанника—не скучными обычно „отвлеченными“ „понятиями“—„читать рацен“—как говорят, но наглядным, непосредственным и часто для самого воспитанника незаметным путем внушения—примером.

Положим, мы хотим воспитать в ребенке правило—„точно выполнять обещанное“ из сознания того, что раз обещал, то должен исполнить. Все речи на эту тему не имели бы и половины того значения, какое имел бы пример. А примером здесь могла бы служить картина трудностей и жертв, принесенных вами самими для точного выполнения взятого на себя долга. Для большей вразумительности примера мы могли бы при этом сказать ребенку: „Я обещал до завтра кончить эту работу. Это, собственно, может быть и не так необходимо, но я обещал и я должен буду сидеть до поздней ночи“. (Барт—„Элементы воспитания и обучения“).

Но педагогическое воздействие путем внушения не ограничивается лишь внушением примера нашими поступками. Все мнения, высказываемые воспитателями, взгляды и оценки, симпатии и антипатии—суть, как мы уже указывали, также источники внушения.

Едва ли менее, чем эти пути прямого внушения, исходящего от воспитателей, важны возможности косвенного внушающего влияния. Сама собой понятна чрезвычайная педагогическая важность того, чтобы для воспитанника создать известную обстановку, окружить его подходящими товарищами,—с одними сблизить, от других отдалить и т. д. Создание соответствующей обстановки в лице товарищей, т.-е. выбор внушений желательного направления—бывает иногда прямо целебным. Известны в литературе примеры того, как дети эпилептики—этот выдающийся по трудности объект воспитания—будучи помещены в общежития, гуманно руководимые, меняли в короткое время свой характер, невольно подчиняясь общим правилам поведения.

Истинный педагог и будет всегда для самого воспитываемого часто невидимым закулисным режиссером. И дело его педагогического чутья, такта и знания способствовать тому, чтобы равнодействующая всех внушений, воздействующих на воспитанника, пошла бы согласно его планам. В этом смысле и следует понимать Гюйо, когда он говорит, что—„воспитание есть не что иное, как совокупность координированных и обоснованных внушений“.

Допустим на минуту, что мы в качестве педагогов отказались бы сознательно использовать внушаемость нашего воспитанника—чего достигли бы мы этим? Как нормальный факт, коренящийся в

человеческой психике,—внушаемость не прекратилась бы в таком случае и не уменьшилась бы, но мы лишь дали бы победу в руки чужих внушений, часто педагогически вредных.

Поэтому-то, признавая культивирование внушаемости, как таковой, нежелательным с педагогической точки зрения — как фактора бессознательного, обезличивающего, мы тем не менее должны с ней считаться, как с фактом, и по мере необходимости пользоваться внушаемостью для достижения высших педагогических целей, стараясь затем внушения обосновать убеждением.

Что сказать теперь о приложении в педагогике гипнотического внушения?

Всякому педагогу приходится часто иметь дело с детьми, которых вульгарно называют „порочными“. Это те неисправимые „лжцы“, лгуны без всякой надобности, или же лентяи, которых один вид книги повергает в состояние глубокого и искреннего отвращения к занятию. Сюда же надо отнести детей—воров, детей, находящих наслаждение в мучительстве животных или же своих меньших товарищей. Патологическая сторона подобных нравственных извращений сказывается еще наглядней в случаях всякого рода фобий: ребенок боится отвечать урок, боится оставаться один в комнате и т. д. Наконец, известны случаи патологической неуверенности в себе, в своих силах, в своих знаниях—неуверенности мучительной и пагубной для воспитанника и сопровождаемой часто нервными головными болями.

Подобного рода психические искривления бывают часто связаны и со всякого рода морально дурными привычками и стремлениями. Такие невропатические и психопатические дети естественно являются наиболее трудным объектом воспитания и составляют тяжкое бремя для своих руководителей.

Нас не должен поэтому удивлять тот, окрыленный радужными надеждами, энтузиазм, который мы встречаем у некоторых ученых, по поводу результатов использования гипнотического внушения (произведенного рядом гипнотизеров как-то: Вуазеном, Льебо и др.) по отношению к подобного рода дефективным детям. Опыты эти, казалось, давали повод видеть в гипнотизме самое действительное и победоносное средство в руках педагога для борьбы с самыми не-

победимыми до тех пор нервно-психическими дефектами воспитанников.

Как говорили результаты, полученные этими учеными, внушения в гипнотическом состоянии оказались способными без труда совершенно исправить в желаемую для педагога сторону нравственную личность воспитываемого. Лжец превращался в иелгущего, лентяй в работоспособного и т. д.

Д-р Берильон вылечил гипнозом многих мальчиков и девочек от нервных подергиваний, наклонности ко лжи, воровству и от еще более дурных привычек.

Подобному же излечению поддавались и больные истерией и всякого рода фобиями.

Известный фатализм закона наследственности находил, как думалось некоторым, в фактах гипнотического изменения врожденных склонностей—значительное себе ограничение. Барт находит даже возможным сказать, что именно подобные действия гипнотического внушения возродили вновь веру в могущество воспитания. В 1857 году Дюран де Гро писал, что гипнотизм дает прочные основания для интеллектуальной и нравственной ортопедии, которая конечно и будет введена в школах. Подобную же мысль о необходимости гипнотического внушения в школах, как средства морального исправления, защищали и некоторые другие.

Действительно: мы имеем трудно поддающихся всякому иному воспитанию, дефективных морально детей, гипнотическое же внушение достигает целей перерождения, исправления их порочных склонностей—и так естественна мысль о необходимости использования его наряду с другими воспитательными средствами.

Но в педагогике менее, чем где-либо, цель может оправдывать средство. И поэтому, не отрицая результатов многих гипнотических внушений, ряд других ученых поднял вопрос, во 1-х, о влиянии таких внушений на здоровье и во 2-х—об оценке гипнотического внушения в педагогике с моральной точки зрения.

Относительно первого должно сказать прежде всего, что гипнотический транс — есть явление ненормальное, в которое впадать могут не все. В стадию же наибольшей внушаемости гипнотиче-

ского транса по данным Бони впадает лишь 18,7% всех гипнотизируемых.

Преимущественно податливы к гипнотизированию люди истеричные и отличающиеся повышенной нервностью. Замечено также что, раз от разу, субъект поддается гипнотизации все с большей легкостью и быстротой. Противодействие субъекта все ослабевает и может достигнуть в этом отношении опасных размеров. С психологической стороны этому соответствует все повышающаяся внушаемость и самовнушаемость. Ломброзо, например, сообщает, что— „один офицер чуть не сошел с ума под влиянием многочисленных гипнотических сеансов, впадая в гипнотическое состояние при одном лишь взгляде на блестящий предмет... Однажды вечером он чуть не полатился жизнью, едва не попав под карету с зажженными фонарями“.

Нередко гипнотизация до такой степени повышает нервность субъекта, что производит тяжелые нервные припадки, летаргию с контрактурой и т. д.

Дети, подвергавшиеся исправлению при посредстве гипноза, порою оказывались утратившими много общей энергии, с ослабевшей памятью, апатичными и как бы оглуевшими.

Вундт стоит на той точке зрения, что всякая гипнотизация не проходит без влияния на нервно—функциональную сторону организма субъекта, причем эти влияния часто играют нежелательную роль, как повышающие внушаемость и создающие почву для нервных заболеваний.

С этической точки зрения вопрос об использовании гипноза в педагогике состоит в следующем. Говоря даже о нормальном внушении, мы выдвигаем требование не упускать из виду ценности индивидуальности, как сознательно, критически относящейся к окружающему личности и пошли в допущении использования внушения в педагогических целях как бы на известного рода компромисс, оправдываемый, правда, неизбежностью и самым характером человеческой психики, равно как и возможностью параллельных логических воздействий.

В вопросе же о приложении гипноза все эти оправдывающие мотивы, как кажется, отпадают, между тем как подчинение воли

одного воле другого доходит здесь до отношения полнейшей рабской зависимости. В случаях гипноза воля порабощена, индивидуальность уничтожена, что и заставляет относиться к подобного рода явлению резко отрицательно, как к явлению в корне безразличному. Так можно формулировать тезис противников приложения гипнотизма в деле воспитания.

Наиболее ярим из них является Блом—„Человек даже порочный лучше всетаки, чем ученая собака, хотя бы она была самой послушной из всех собак“. „Порок может быть уничтожен, но и ребенок тоже: вы создадите нам маленькую обезьяну“.

Как же можем мы разрешить этот вопрос, принимая в соображение взгляды обоих направлений. Прежде всего то, что говорилось о вреде гипнотизирования с медицинской точки зрения, может служить аргументом не против гипнотизма, как такового, самого по себе—но лишь против злоупотреблений его применением или же против неумелого пользования им. Любое, даже самое целебное средство, будучи применяемо чрезмерно или лицом несведущим—может иметь пагубные последствия. Однако мы не согласились бы ни со взглядами одних, высказывавшихся в пользу регулярного и обыденного применения гипнотизации в школе, ни с мнением других, склонных совершенно изгнать это средство из числа допустимых в педагогике.

Наиболее правильной представляется нам средняя позиция. Во 1-х, защитникам гипнотизации можно было бы указать, что как обыкновенное явление в сфере школьной практики, гипнотизацию допускать нельзя уже, как средство небезвредное для физического и нравственного здоровья воспитанника, и как средство, часто вполне заменимое другими.

Во 2-х, противникам же всякого применения гипноза в педагогике заметим, что применение гипнотизации следует допустить в исключительных, особенно тяжелых и иными способами неизлечимых, случаях. Область этих случаев, правда, уменьшается, уступая место новым способам т. н. — „психотерапии“ Дюбуа и психоанализу Фрейда, где исцеления достигаются и без погружения в гипнотический транс.

В 3-х, в ответ на указания Вундта и Блюма на то, что в излеченных гипнозом детей абсолютно поработается их воля и их личность—мы спросим: да была ли такая собственная воля у этих больных детей и до гипнотизации-то? Справедлив Тома, замечая:—„говорят об уважении к свободе. Но разве действительно свободны эти несчастные дети, порочные от рождения, с дурными инстинктами, помрачающими их рассудок. Позволим себе усумниться в этом“.

В итоге этого беглого очерка педагогических вопросов связанных с внушением, мне хотелось бы еще раз подчеркнуть ту большую роль, каковая выпадает на долю прямых и косвенных внушений, исходящих от педагога. Нельзя, поэтому, никак забывать о воспитывающем значении всякого обучения.

Главнейшая литература вопроса на русском языке:

Б. Сидис. Психология внушения СПб. 1902.

В. Вундт. Гипнотизм и внушение. Пер. Колубовского. 1898.

В. М. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни. Изд. Риккера. 1908.

Д. М. Болдуин. Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода. Ч. 1. гл. 6 „Московское книгоиздательство“ 1911.

Г. Тард. Законы подражания. Изд. Павленкова 1892.

Ф. Тома. Внушение и его роль в деле воспитания. Изд. Тихомирова. 1911.

П. Жане. Психический автоматизм. Москва. 1913.

П. Дюбуа. О влиянии духа на тело. СПб. 1911.

И. Тарханов. Дух и тело. Изд. Брокгауза и Эфрона. 1904.

Его-же. Гипнотизм, внушение и чтение мыслей. 1907.

П. Барт. Элементы воспитания и обучения. т. 1. Изд. Богдановой. 1913.

Беригейм. О гипнотическом внушении и применении его к лечению болезней. Одесса. 1887.

Молль. Гипнотизм. Изд. Риккера. 1898.

Тремнер. Гипнотизм и внушение. Берлин. 1923.

Оглавление.

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
I. Виушение в нормальном состоянии	5
II. Виушение в гипнозе	25
III. Виушение, как педагогическое средство	33
Библиография	45

В серии „Популярно-научная Психологическая Библиотека“

ГОТОВЯТСЯ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ проф. **В. М. ЭКЗЕМПЛЯРСКОГО** СЛЕДУЮЩИЕ ВЫПУСКИ.

1. Что такое научная психология.
2. Нервная система и психический мир.
3. Как мы воспринимаем мир?
4. Психология внимания.
5. Внушение. **С. В. Кравков**. (Вышла в свет).
6. Психология и педагогика памяти.
7. Творческая фантазия. **Н. П. Ферстер**. (Печатается).
8. Как мы мыслим?
9. Эмоциональная жизнь.
10. Психология воли. **Н. В. Самсонов**. (Вышла в свет).
11. Типы душевной жизни.

2331

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„РУССКИЙ КНИЖНИК.“

Редакция—Москва, Остоженка, д. 25, кв. 1. — Телефон 59-71.
Книжный магазин и склад—Моховая, 26.

Имеется на складе:

- П. П. Блонский. Современная философия, ч. II.
С. В. Кравнов. Самонаблюдение.
Н. В. Самсонов. Психология воли.
Г. Мюнстерберг. Основы психотехники, ч. I и ч. II в. 1.
Б. Бетц. Проблема корреляции в психологии.
С. Н. Беляева-Экземплярская. О психологии восприятия музыки.
В. М. Экземплярский. Проблема одаренности.
В. Соловьев. Стихотворения. 7-е изд.
Д. Н. Егоров. Что такое история культуры.
Ю. В. Готье. Развитие первобытной техники.
А. К. Дживелегов. Вольный город в Европе.
В. М. Хвостов. Основы социологии.
С. А. Котляревский. Развитие международных отношений в новейшее время.
В. И. Пичета. История народного хозяйства в России XIX—XX в.в., ч. I.
Л. Н. Литошенко. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства.
В. Л. Львов-Рогачевский. Л. Андреев.
В. Г. Сахновский. Театр Островского.
В. Дильтей. Описательная психология.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

- Н. П. Ферстер. Творческая фантазия.
В. Штерн. Дифференциальная психология.
В. М. Экземплярский. Введение в психологию (Проблемы и библиография).
К. Пиорковский. Психологическая методика определения профессиональной пригодности.

Магазин „Русский Книжник“ исполняет заказы кроме своих изданий и на все книги, имеющиеся в продаже.

35.56.6.29